

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.5.6>

Исачкин Сергей Павлович

**ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ СИБИРИ 1901-1907 ГГ. В
РАННЕЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

В статье проведен историографический анализ идейного содержания и примиренчества как основных компонентов политической культуры представителей Сибирского союза РСДРП. В результате изучения отечественной литературы 1920-х - первой половины 1930-х гг. выявлена незавершенность исследования проблемы идейно-политической ориентации социал-демократии Сибири периода Первой русской революции. В работе раскрыты причины необъективного освещения феномена примиренчества в Сибирском союзе РСДРП и сделан вывод о негативных последствиях вмешательства государства в процесс изучения местного социал-демократического движения уже на начальном этапе советской историографии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/5/6.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 5. С. 37-41. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 930.1(09):329.021.3(571)

Дата поступления рукописи: 11.03.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.5.6>

В статье проведен историографический анализ идейного содержания и примиренчества как основных компонентов политической культуры представителей Сибирского союза РСДРП. В результате изучения отечественной литературы 1920-х – первой половины 1930-х гг. выявлена незавершенность исследования проблемы идейно-политической ориентации социал-демократии Сибири периода Первой русской революции. В работе раскрыты причины необъективного освещения феномена примиренчества в Сибирском союзе РСДРП и сделан вывод о негативных последствиях вмешательства государства в процесс изучения местного социал-демократического движения уже на начальном этапе советской историографии.

Ключевые слова и фразы: политическая культура; Сибирский союз РСДРП; идейно-политическая ориентация; примиренчество; советская историография; идеология большевизма; марксистская методология.

Исачкин Сергей Павлович, д.и.н., доцент

Омский государственный университет путей сообщения

isachkinomsk@rambler.ru

ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ СИБИРИ 1901-1907 ГГ. В РАННЕЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Политическая культура играет важную роль в разностороннем процессе общественного развития. От ее состояния во многом зависит взаимоотношения социальных слоев населения, выбор форм и методов социально-политических преобразований, а в конечном итоге – стабильность существования того или иного общества. В этой связи обращение к опыту изучения различных аспектов политической культуры представляет значительную **актуальность** для ученых, политиков, общественных деятелей современной эпохи. Учитывая данное обстоятельство, в статье поставлена **цель** – обобщить опыт изучения в ранней советской литературе политической культуры представителей местных организаций Сибирского союза Российской социал-демократической рабочей партии. Процесс достижения поставленной цели предполагает решение следующих **задач**: 1) исследовать проблему идейно-политической ориентации социал-демократов Сибири 1901-1907 гг.; 2) рассмотреть феномен примиренчества в Сибирском союзе РСДРП как историографическую проблему.

Подобные цель и задачи пока еще не ставились в социально-гуманитарных исследованиях. Таким образом, **научная новизна** статьи заключается в проведенном анализе идейных позиций и организационных принципов социал-демократических организаций Сибири как составных компонентов их политической культуры, впервые предпринятом в историографическом исследовании.

Политическая культура представляет собой сложнейший элемент общественной жизни. Применительно к партийным организациям она включает в себя стратегию и тактику их деятельности, мировоззренческие установки, идейно-политические позиции, характер внутривнутрипартийных и межпартийных отношений, организационные принципы, а также формы и методы влияния на свою социальную базу. Попытки учета данных компонентов впервые были предприняты в советский период отечественной историографии, когда сам термин «политическая культура» практически не употреблялся, но вопросы идейной сущности партийных организаций приобрели большую актуальность. Это стало проявляться уже в 1920-х – первой половине 1930-х гг. в связи с утверждением марксистско-ленинской идеологии в исторической науке.

В первые годы Советской власти были приняты декреты «О реорганизации и централизации архивного дела» и «Об учреждении Комиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Коммунистической партии», названной вскоре Истпартом. Мероприятия правящей партии по созданию своей истории, проведенные в центре страны, оказали действенное влияние на развитие историко-партийной науки на местах. В течение короткого времени была создана широкая сеть местных Истпартов. Если в 1923 г. в стране насчитывалось 38 отделов Истпарта, то в 1924 г. их число увеличилось до 56 [19, с. 58].

В 1921 г. был образован краевой Истпарт в Сибири, а через год открылись его губернские отделы в Томске, Красноярске, Омске, Иркутске и Барнауле. В результате появились первые публикации по истории сибирского социал-демократического движения, в которых особое внимание было уделено трем главным вопросам: роль большевиков в революционных событиях за Уралом, их агитационно-пропагандистская работа среди трудящихся масс, идейно-политические позиции организаций Сибирского союза РСДРП, действовавшего в 1901-1907 гг. Причем решение проблемы идейно-политической ориентации местных социал-демократов не было целью авторов, но, изучая первые два вопроса, они постоянно сталкивались с третьим. В свою очередь, определение идейной сущности и политического направления той или иной организации прямо влияло на оценку ее роли в революционной борьбе. В такой ситуации третий вопрос автоматически приобретал не только самостоятельное, но и приоритетное значение.

В общей массе изданных в то время работ Чита и Красноярск признавались сферой влияния большевиков, Томск и Иркутск – меньшевиков. При этом Н. Н. Баранский обращал внимание на то, что внутри «каждой пары городов» тоже были некоторые различия. По его мнению, в Чите большевизм проявлялся ярче, чем в Красноярске, а меньшевизм в Томске был правее, чем в Иркутске [7, с. 93, 94]. Однако при специальном рассмотрении революционных событий в Сибири и такой подход требовал ряда уточнений.

Довольно синхронными выглядели рассуждения М. К. Ветошкина и В. А. Чаплинского об идейно-политической направленности Читинской партийной организации. Оба автора считали себя вправе называть ее единственной в Сибири организацией РСДРП(б), а ее комитет – комитетом большевиков. По их мнению, под «исключительным большевистским влиянием» находился, в сущности, только Читинский комитет с его периферийными группами, который был большевистским как по составу, так и по своим тактическим действиям [16, с. 156; 33, с. 55]. Вместе с тем факты не позволили авторам оставаться последовательными до конца. Сначала они вынуждены были указать на тенденцию к образованию фракции меньшевиков и наличие некоторых противоречий в местном комитете [12, с. 168; 33, с. 60], а затем откровенно признали имеющиеся там разногласия по поводу характера и методов развития революции [13, с. 210; 33, с. 60]. Правда, в работе В. А. Чаплинского отмечалось, что принципиальные споры велись только в узком кругу ответственных профессиональных работников и не распространялись на «низовую, членскую, партийную массу» [33, с. 60]. Результаты фракционных разногласий авторы оценивали по-разному. В. А. Чаплинский считал их одной из главных причин поражения вооруженного восстания 1905-1906 гг. в Забайкалье, так как не было выработано «твердого плана борьбы, который бы приняли обе фракции» [Там же, с. 66]. М. К. Ветошкин не находил в противодействии меньшевиков серьезной опасности, поскольку они «всегда оставались в спорах на массовках в единственном числе» [12, с. 169]. Усиление фракционной борьбы между большевиками и меньшевиками автор относил лишь к маю 1906 г., однако и в это время, по его мнению, Читинская организация оставалась большевистской [Там же, с. 168].

На борьбу внутри социал-демократической организации Читы в период наивысшего подъема Первой русской революции указывали И. М. Бабайлов и М. С. Кальвари [3, с. 70; 18, с. 114-116]. В. В. Черняк отмечал «некоторую надорванность» в отношениях руководителей местного комитета еще в 1904 г. [34, с. 16]. В свою очередь, П. М. Кошавцев утверждал, что в этом же году «намечалось деление на большевиков и меньшевиков» даже среди рабочих городских железнодорожных мастерских. Кроме того, автор настаивал на преобладании меньшевиков в Революционном комитете в 1905 г. [20]. Трудно сказать, что подразумевал он под указанным органом: комитет РСДРП или Смешанный стачечный комитет, функционирующий во время вооруженного восстания в Чите. Скорее всего, П. М. Кошавцев просто переносил факты 1917 г. на более ранние революционные события. Однако в любом случае его утверждения не соответствуют действительности.

Назвать Красноярскую партийную организацию полностью большевистской не решился ни один из авторов. Это объясняется присутствием меньшевиков во главе с А. А. Мельниковым в Объединенном Совете и редакции газеты «Красноярский рабочий». Однако если «меньшевики, приемлющие большевизм», были для Сибири, как признавалось, явлением не редким [29, с. 373], то содержание статей органа местного комитета РСДРП вызывало сомнения по поводу его революционности. Поэтому Б. З. Шумяцкий призывал не судить по ним о направлении деятельности Красноярской большевистской организации, так как, по его мнению, делом меньшевиков было писать, а большевиков – заниматься революционной работой [40, с. 107]. Такой подход разделял и А. А. Мильштейн [22, с. 330]. Я. Н. Новогрешнов, хотя и не считал содержание газеты чисто большевистским, все же выделял ряд статей, выдержанных в духе революционного марксизма [26, с. 33]. В свою очередь, А. А. Ансон пытался доказать, что направление печатных материалов газеты зависело от того, кто их писал, уверяя, что при объединенной работе в Красноярске большевиков и меньшевиков по-другому быть и не могло. Однако автор не забывал подчеркнуть в целом большевистское направление Красноярского социал-демократического комитета и всей организации [1, с. 140]. Позднее выводы А. А. Ансона подтвердил Ф. Г. Виноградов, специально занимаясь исследованием рабочей печати в регионе [17, с. 27]. Полностью большевистским органом считала газету «Красноярский рабочий» лишь А. К. Фефелова. Впрочем, и она признавала, что меньшевики в Красноярской организации были, причем нередко и среди «руководящей головы», но, на ее взгляд, это не отражалось на общей линии поведения комитета [31, с. 25, 26]. В свою очередь, Б. З. Шумяцкий, с одной стороны, утверждал, будто в 1905 г. межфракционный антагонизм в Красноярской организации не был еще обострен, так как «по составу рабочая организация всегда ассимилировала меньшевистских лидеров, заставляя их работать по своему ранжиру» [39, с. 35]. С другой стороны, автор, сам того не замечая, приводил факты острой борьбы между большевиками и меньшевиками по принципиальным вопросам революции.

В целом в литературе о красноярских событиях 1905 г. если и указывалось на тактические разногласия их участников, то чаще не в плане межфракционной борьбы, а как на результат несогласованности в работе Объединенного Совета. При этом авторы настаивали на численном превосходстве в нем большевиков. Однако в приведенных А. А. Мильштейном, Я. Н. Новогрешновым, Б. З. Шумяцким списках его членов такое преимущество подтверждали лишь данные А. А. Мильштейна [22, с. 329; 26, с. 42-45; 40, с. 109]. Разумеется, эти списки не могут служить источником для современного исследования из-за их крайней приблизительности, но они показывают, с какой сложностью столкнулись авторы при определении идейно-политической позиции Красноярской социал-демократической организации. На изменения в составе и действиях местного комитета РСДРП в период отступления Первой русской революции обратил внимание только Н. Н. Баранский. Так, если в 1905 г., по мнению автора, руководство революционным движением в городе было «полубольшевистским-полуменьшевистским» [4, с. 49, 50], то в 1906 г. – «твердым большевистским» [7, с. 93].

К середине 30-х гг. XX в. наметилась новая тенденция в понимании сущности и сложности межфракционной борьбы в Красноярском социал-демократическом комитете. В некоторых публикациях было высказано мнение, что уже в ходе подготовки вооруженного восстания в нем вполне определенно обозначились

«резкие разногласия по поводу перспектив предстоящей революции, а это сильно отражалось на работе, мешая четкому проведению правильной большевистской линии» [44, с. 32].

Впервые вопрос об идейно-политической ориентации Томской партийной организации был поднят Н. Н. Баранским. По его мнению, в конце 1904 – первой половине 1905 г. в городе сконцентрировался «сильный актив революционеров, не дававший развязаться интеллигентской стихии, но с лета 1905 г. меньшевики уже безраздельно царили в Томске» [4, с. 39]. Если в 1923 г. автор изображал их пытающимися осуществить на деле «рецепты Мартова о революционном самоуправлении» [Там же], то в 1926 г. – уже не признающими этого лозунга «в силу своей реакционности» [7, с. 94]. Томские меньшевики, утверждал Н. Н. Баранский, «доводили меньшевистскую линию до ее логического конца и были значительно правее Мартова» [Там же]. В дополнение к этому А. А. Мильштейн призывал искать причину меньшевистского застоя в Томском комитете не в слабости большевиков, а главным образом в мелкобуржуазной городской среде учащихся и служащих, в которой пришлось работать социал-демократам [22, с. 319, 320].

Противоположную позицию занимали в данном вопросе Е. М. Ярославский и В. М. Броннер, считавшие Томскую партийную организацию большевистской. Первый из них отразил ее в своих работах такой, какой видел сам еще до лета 1905 г. [42, с. 4; 43, с. 6]. В свою очередь, В. М. Броннер вступил в острую полемику с Н. Н. Баранским. Он заявил, что утверждения Н. Н. Баранского не соответствуют действительности, доказательством чего служило само развитие революционного движения в городе, которое происходило под влиянием большевистских решений II областной партийной конференции, состоявшейся в Томске в 1904 г. [10, с. 134]. В ответ на это Н. Н. Баранский в работе «Об октябрьских днях 1905 г. в Томске» достаточно убедительно доказал, что конференция имела меньшевистскую направленность и состоялась все-таки в июне 1905 г. Поэтому и забастовки на железной дороге, и антиправительственное выступление социал-демократов на либеральном банкете, и вооруженная демонстрация рабочих предшествовали тому моменту, когда Томский комитет переориентировался в сторону меньшевизма. «Что в Томской организации в октябрьские дни большевики были, – пояснял далее Н. Н. Баранский, – никто не отрицает. Но бытие физическое и бытие политическое – две вещи разные» [6, с. 216]. Как раз в самый разгар революции политического влияния большевиков автор не находил.

Иркутская организация социал-демократов практически всеми историками и мемуаристами признавалась меньшевистской по своим тактическим действиям. Однако, учитывая, что эта организация «выступала единым фронтом», некоторые из них заинтересовались вопросом о степени влияния в ней меньшевиков. Первоначально Н. Н. Баранский охарактеризовал ее как «целиком состоящую из интеллигентов, большинство из которых сочувствовало меньшевикам и не имело должного влияния на рабочих» [4, с. 23]. Несколько позднее автор, принимая во внимание, что в городе работал ряд видных большевиков, несколько смягчил эту оценку. «Меньшевики, руководители социал-демократического движения в Иркутске, – предупреждал он, – принадлежали к элементам во всяком случае более левым, чем меньшевики в Томске» [7, с. 94]. Если Н. Н. Баранский высказывал свое мнение применительно к 1904-1905 гг., то Г. А. Мучник и Б. З. Шумяцкий рассматривали работу местного комитета партии в обстановке отступления Первой русской революции. Б. З. Шумяцкий считал Иркутск «читаделью сибирского меньшевизма», хотя среди меньшевистских лидеров он выделял и таких, которые пытались поднять вооруженное восстание в войсках местного гарнизона. В целом же в организации, считал автор, преобладали меньшевистские настроения, поэтому «большевикам-массовикам здесь делать было нечего» [38, с. 79-81]. Г. А. Мучник также обращал внимание на факты «засилья меньшевиков в местной партийной организации, что продолжалось по крайней мере до июня 1907 г. [25, с. 72, 75, 78].

В 1932 г. наметился новый подход в исследовании проблемы идейно-политической ориентации социал-демократов Иркутска. В брошюре «30 лет Красноярской, Читинской, Иркутской партийных организаций» указывалось, что «сложившийся взгляд на Иркутскую организацию как исключительно меньшевистскую оказывается при более тщательном изучении материалов неверным» [44, с. 15].

В обобщающих трудах начального этапа советской историографии Омская организация РСДРП признавалась большевистской [5, с. 17; 36, с. 10]. Однако авторам специальных публикаций об Омске показать это в достаточной степени не удалось, так как их работы посвящались 1905 г. [28; 37], а усиление большевистского влияния в городе приходилось на 1906 г. Деятельность местного комитета РСДРП в период отступления Первой русской революции была затронута в воспоминаниях Ф. Г. Ягодина-Виноградова, считавшего, что под влиянием большевиков в 1906 г. находился не только Омск, но и весь Западно-Сибирский регион [41, с. 69]. В. В. Куйбышев как непосредственный участник данных событий тоже подчеркивал значительное преобладание большевиков в это время в Омском комитете [21, с. 14]. В свою очередь, А. А. Ширямов указывал на наличие в Омске двух социал-демократических организаций: большевистской в железнодорожном и меньшевистской в городском районах [37, с. 172]. При этом автор упускал из виду, что к 1905 г. они были объединены общим комитетом. Аналогичная ситуация сложилась, по словам В. Д. Вегмана, и в Новониколаевске, однако в данном случае слияние обеих организаций в единую было все же отмечено историком [11, с. 198].

Большевистской признавалась Барнаульская организация РСДРП, хотя и в ней, по утверждению авторов, проявлялись некоторые тенденции к примиренчеству и меньшевизму [30, с. 6, 7; 32, с. 35; 40, с. 102-106, 112]. В ряде публикаций освещалась острая борьба между большевиками и меньшевиками в Тюмени, где фракции уже в 1906 г. существовали не формально, а фактически, так как здесь проявлялось влияние партийных организаций пролетарского Урала [8; 23].

Как было отмечено выше, в исследуемой литературе в определенной степени прослеживалась борьба большевиков и меньшевиков в организациях РСДРП Сибири при общих их примиренческих настроениях. В то же время в некоторых работах обращалось внимание на имеющиеся разногласия лишь в партийном

руководстве, а рядовые члены партии могли даже не знать самих слов «большевик» и «меньшевик» [9, с. 36]. Действительно, в октябре 1905 г. на I общесибирском съезде РСДРП в резолюции «О характере областного органа» было принято решение о нераспространении разногласий «по тактическим и организационным вопросам в широких массах» [2, д. 129, л. 1, 2]. Примечательно, что даже бывший профессиональный революционер М. К. Ветошкин, упорно настаивавший на острой внутрипартийной борьбе сибирских социал-демократов, в своих воспоминаниях писал, что в начале 1905 г. он сам «пребывал в дикости, не относя себя ни к меньшевикам, ни к большевикам» [15, с. 67].

В рассматриваемых публикациях не всегда верно понималась сущность партийных дискуссий по вопросам тактики. Так, Б. З. Шумяцкий в спорах большевиков с меньшевиками о необходимости и целесообразности вооруженного восстания не находил «межфракционного антагонизма» [38, с. 25, 29], а Н. Н. Баранский не считал тактическими разногласия о месте и роли интеллигенции в революции [7, с. 84]. Все это наглядно демонстрирует теоретико-методологическое несовершенство анализируемых работ, авторы которых еще в недостаточной степени овладели методологией марксистского исследования.

В некоторых трудах изучаемого периода предпринимались попытки анализа причин примиренчества в рядах сибирской социал-демократии. Это явление, как правило, объяснялось неразвитостью рабочего и буржуазно-демократического движений за Уралом, нехваткой там подготовленных партийных кадров, слабой связью с общероссийскими центрами партии, недостатком социал-демократической, в особенности большевистской, литературы и отчасти «академическим характером» разногласий в местных организациях РСДРП [4, с. 30; 15, с. 65-67; 27, с. 5]. Однако в конечном итоге примиренчество признавалось неоправданным даже в условиях Сибири [14, с. 27]. Основным критерием при оценке идейно-политической направленности социал-демократических комитетов региона выдвигалось состояние классовой базы местного пролетариата, то есть численность, уровень сознательности и сплоченности рабочих, главным образом железнодорожных [7, с. 93]. Впрочем, эти выводы принадлежали лишь отдельным авторам, а в большинстве работ подобные вопросы вообще не рассматривались.

Таким образом, в исторической литературе начального этапа советской историографии особое внимание было уделено проблеме идейно-политической ориентации организаций РСДРП Сибири периода Первой русской революции. В процессе выявления соответствующих позиций в целом объективная характеристика была дана Читинской и Красноярской организациям применительно к 1905 г., которые были признаны большевистскими по своим тактическим действиям. Бесспорны также утверждения историков и мемуаристов о преобладании меньшевистского влияния в Томской и Иркутской организациях РСДРП в период наивысшего подъема революции. Однако авторы, придерживавшиеся этих точек зрения, были слишком категоричны в своих выводах, что не позволило им разобраться в диалектике борьбы между большевиками и меньшевиками на разных этапах революционного движения. Этому также способствовало крайне поверхностное освещение в литературе периодов кануна и спада Первой русской революции. В принципе верно определялась идейно-политическая ориентация социал-демократической организации Барнаула, но данная проблема была отражена в соответствующих публикациях лишь фрагментарно. Вместе с тем вопросы идейно-политических позиций Омской и Новониколаевской организаций РСДРП оставались открытыми.

В контексте реализации организационных принципов партийного строительства в рассматриваемых публикациях был затронут вопрос о примиренчестве местных структур Сибирского союза, где объединялись представители разных течений социал-демократии. Несмотря на проведение в отдельных работах анализа причин данного явления, оно получило негативную оценку авторов, поскольку любые компромиссы с оппортунистами изначально осуждались государственной идеологией большевизма. Между тем в условиях Сибири примиренчество являлось единственно возможной формой существования социал-демократических организаций, что обеспечивало поддержку борьбы с самодержавием. Непонимание или сознательное игнорирование данного обстоятельства обрекало изучение различных аспектов политической культуры Сибири на искаженное восприятие действительности. Этому также способствовали такие объективные факторы, как узость источниковой базы, дефицит квалифицированных кадров историков, несовершенство методики исследования. Наконец, следует признать, что большинством авторов 20-х – первой половины 30-х гг. XX в. не была в полной мере усвоена методология марксистской науки.

Список источников

1. Ансон А. 1905 год в Красноярске // Сибирские огни. 1923. № 4. С. 112-148.
2. Архивохранилище документов общественно-политических организаций и движений Государственного архива Новосибирской области (АДОПОД ГАНО). Ф. 5. Оп. 2.
3. Бабайлов И. Революционная Чита с 1905 по 1909 г. // Дальстпарт: материалы о революционном движении: в 3-х кн. Владивосток: Книжное дело, 1924. Кн. 2. С. 67-74.
4. Баранский Н. В рядах Сибирского социал-демократического союза (воспоминания о подпольной работе 1897-1908 гг.). Новониколаевск: Сибирское областное гос. изд-во, 1923. 89 с.
5. Баранский Н. Краткий очерк истории Сибирского союза РСДРП // Сибирский союз РСДРП: сборник статей и воспоминаний. М.: Старый большевик, 1935. С. 9-20.
6. Баранский Н. Об октябрьских днях 1905 г. в Томске // Пролетарская революция. 1926. № 5. С. 203-216.
7. Баранский Н. Н. Социал-демократическое движение в Сибири в эпоху революции 1905 г. // Северная Азия. 1926. № 5-6. С. 75-99.
8. Баторгин А. М. Воспоминания о рабочем революционном движении в г. Тюмени в период с 1905 по 1907 гг. // Из прошлого: сборник воспоминаний. М.: Московский рабочий, 1925. С. 80-102.

9. Березовский Ф. А. Таежные застрельщики. Л.: Прибой, 1926. 133 с.
10. Броннер В. Октябрь 1905 г. в Томске // 1905 год в Сибири: сборник статей и воспоминаний. Новониколаевск: Сибкрайиздат, 1925. С. 123-134.
11. Вегман В. 1905 год в Новониколаевске // 1905 год в Сибири: сборник статей и воспоминаний. Новониколаевск: Сибкрайиздат, 1925. С. 195-200.
12. Ветошкин М. Большевики и меньшевики в 1905 году на Дальнем Востоке // Пролетарская революция. 1926. № 4. С. 158-192.
13. Ветошкин М. О Читинской организации РСДРП(б) 1905-1906 гг. // Пролетарская революция. 1927. № 4. С. 203-234.
14. Ветошкин М. Подготовка вооруженного восстания в Сибири в 1905 г. // Сибирский союз РСДРП: сборник статей и воспоминаний. М.: Старый большевик, 1935. С. 20-45.
15. Ветошкин М. Странички революционного прошлого // Каторга и ссылка. 1930. № 2. С. 63-79.
16. Ветошкин М. 1905 г. в Маньчжурии // Сибирские огни. 1929. № 1. С. 155-175.
17. Виноградов Ф. Рабочая печать в Сибири // Из прошлого Сибири. Омск: ОГИЗ, 1927. С. 5-65.
18. Кальвари М. Читинская республика // Борьба классов. 1935. № 12. С. 113-124.
19. Китаев М. А. Партийное строительство в первые годы Советской власти. 1917-1920 гг. (историографический и источниковедческий анализ) // Проблемы историографии и источниковедения истории КПСС: сб. науч. ст. / ред. Н. Н. Маслов. М.: Политиздат, 1984. С. 56-73.
20. Кошавцев П. М. Воспоминания о 1905 г. // 1905 год в Прибайкалье: воспоминания. Верхнеудинск: Кооперативная типография, 1925. С. 69-71.
21. Куйбышев В. В. Эпизоды из моей жизни. М.: Старый большевик, 1935. 88 с.
22. Мильштейн А. Пролетариат в революционном движении Сибири // Пролетариат в революции 1905-1907 гг.: науч. тр. М. – Л.: Госиздат, 1930. С. 307-342.
23. Мишин М. Тюменская организация РСДРП в 1905-1907 гг. // Каторга и ссылка. 1934. № 4. С. 33-64.
24. Мучник Г. Всеобщая октябрьская стачка в Красноярске // Борьба классов. 1935. № 10. С. 32-37.
25. Мучник Г. Подполье. М.: Молодая гвардия, 1931. 96 с.
26. Новогрешнов Я. 1905 год в Красноярске. Красноярск: Крайиздат, 1925. 63 с.
27. Окунцов П. А. Участие Забайкалья в революционном движении рабочего класса. Чита: Печатное дело, 1927. 75 с.
28. Орлов П. 1905 год в Омске // Сибирские огни. 1925. № 4-5. С. 159-173.
29. Сибирская советская энциклопедия: в 3-х т. Новосибирск: Западно-Сибирское отделение ОГИЗ, 1929. Т. 1 / ред. В. Д. Вегман. 988 с.
30. Тузовский П. Записки рабочего. Барнаул: Городская типография, 1925. 40 с.
31. Фефелова А. К. История революционного движения в г. Красноярске // 300 лет города Красноярска. Красноярск: Крайиздат, 1928. С. 19-46.
32. Фофанов. Возникновение Барнаульской организации социал-демократической партии // Коммунар. 1924. № 3-4. С. 33-37.
33. Чаплинский В. Революционное прошлое Забайкалья // 1905. Революционное движение на Дальнем Востоке. Владивосток: Книжное дело, 1925. С. 43-75.
34. Черняк В. В годы прошлого // 1905. Революционное движение на Дальнем Востоке. Владивосток: Книжное дело, 1925. С. 14-30.
35. Шемелев В. Как возникла и оформилась первая революционная организация РСДРП в Барнауле // 1905 год в Сибири: сборник статей и воспоминаний. Новониколаевск: Сибкрайиздат, 1925. С. 139-152.
36. Шемелев В. Путь борьбы // Профессиональное движение. 1930. № 28. С. 9-11.
37. Ширямов А. Омск в эпохе 1905 года // 1905 год в Сибири: сборник статей и воспоминаний. Новониколаевск: Сибкрайиздат, 1925. С. 171-176.
38. Шумяцкий Б. В сибирском подполье. М. – Л.: Московский рабочий, 1926. 192 с.
39. Шумяцкий Б. Красноярское восстание (1925 г.). М.: Новая Москва, 1926. 55 с.
40. Шумяцкий Б. Первый сибирский Совет рабочих и солдатских депутатов 1905 г. // Сибирские огни. 1924. № 4. С. 101-112.
41. Ягодин-Виноградов Ф. По тюрьмам и подпольным типографиям Сибири. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1928. 109 с.
42. Ярославский Е. К тридцатилетию Сибирского союза РСДРП // Сибирский союз РСДРП: сборник статей и воспоминаний. М.: Старый большевик, 1935. С. 3-8.
43. Ярославский Е. 30 лет большевистской партии и очередные задачи. Новосибирск: Западно-Сибирское отделение ОГИЗ, 1933. 64 с.
44. 30 лет Красноярской, Читинской, Иркутской партийных организаций: материалы для докладчиков / сост. В. Вегман. Иркутск: Восточно-Сибирское отделение ОГИЗ, 1932. 46 с.

REPRESENTATION OF POLITICAL CULTURE OF THE SIBERIAN SOCIAL DEMOCRATS (1901-1907) IN THE EARLY SOVIET LITERATURE

Isachkin Sergei Pavlovich, Doctor in History, Associate Professor
Omsk State Transport University
isachkinomsk@rambler.ru

The article provides the historiographical analysis of ideological content and opportunism as the basic components of the political culture of the representatives of the Siberian branch of the Russian Social Democratic Labour Party. After analysing the domestic literature of the 1920s – the first half of the 1930s the author has identified that the problem of the ideological and political orientation of the Siberian social democracy of the First Russian Revolution period is insufficiently investigated. The paper reveals the reasons for prejudiced interpretation of the opportunism phenomenon in the Siberian branch of the Russian Social Democratic Labour Party and concludes about negative consequences of the state interference into the process of studying the regional social democratic movement just at the initial stage of the Soviet historiography.

Key words and phrases: political culture; Siberian branch of the Russian Social Democratic Labour Party; ideological and political orientation; opportunism; Soviet historiography; Bolshevism ideology; Marxist methodology.